

Парадоксальная универсальность Человека и некоторые проблемы психологии и педагогики

1. Введение

Настоящая статья предназначена для психологов и, особенно, для педагогов, формально готовых признать значение философии для психологии и педагогики, но «в душе» глубоко сомневающих, что философия близко касается их повседневной работы. Она также предназначена тем, кто иногда столь же *формально* пытается следовать «законам» и «положениям» философии, используя и применяя эти, с позволения сказать, «законы» и «положения» как орудие, инструмент или непосредственный алгоритм действия. И то, и другое связано, в основном, с непривычкой к самостоятельному философскому размышлению.

Вина западноевропейской философии в отчуждении от нее психологии и педагогики

В этом отчуждении психологии и педагогики от философии в равной, если не в большей, степени виновата сама философия, которая в последние четыре века своего существования в своей массе выродилась в технологию познания и мышления, практически почти потеряв свой предмет — Человека в его органическом единстве с бесконечным Миром как Целым. Тем не менее, под «технологической толщей» «законов» и «положений», составляющих, как правило, содержание различного рода учебных пособий, глубокие знания о Человеке и Мире продолжали накапливаться, но «выудить» их оттуда становилось все труднее, в частности, и по той причине, что вещное сознание современного «окольцованного» (см. пояснения к рис. 1) «человека массы» (термин Х.Ортега-и-Гассета) почти потеряло способность к глубокому не вещному, не механическому, а собственно человеческому органическому размышлению.

В коротком жанре статьи нет возможности анализировать причины создавшегося положения, однако следует сказать, что философия, если она еще хочет остаться *любвью к мудрости*, должна взять на себя значительную часть вины за это положение и собственную немощь в его преодолении, а также *обязанность* вернуться к своим вечным основам (а они на самом деле просты: чем глубже мысль, тем она проще, а потому «Слава Господу, создавшему все трудное ненужным и все ненужное трудным» —

Г.Сковорода) разрушить границы собственного профессионализма и найти пути, формы и способы донести понимание Человеком самого себя не только до его рационального мышления, но захватив все его чувства, эмоции и фантазии, все его существо.

Существует **непосредственная** связь педагогики и философии

Цель настоящей статьи — попытаться показать связь психологии и педагогики с философией, а также, что осознанная (а еще гораздо больше — неосознанная) **философская** позиция психологов и педагогов непосредственно определяет **понимание** ими того, что они делают, вплоть до оценки эмпирических фактов и результатов применения различного рода программ, методик исследовательской, воспитательной и учебной работы. Начинать, по-видимому, надо с понимания самой философии и Человека, с философского размышления о Человеке.

Из поистине колоссального материала, который можно было бы привести и обсудить по этому вопросу, в данной статье я ограничиваюсь всего несколькими штрихами, относящимися к философскому пониманию Человека как универсального, бесконечно-конечного, парадоксального существа, а также всего лишь двумя примерами из психолого-педагогической практики. Первый из них — оценка результатов применения в практике педагогики различных методов, программ и методик. Второй — понимание личности и ее этического сознания.

Предпосылки философии сегодня

Естественно, возникает вопрос о философских предпосылках, являющихся исходными и определяющими выполнение подобного рода задачи. В нашем недавнем прошлом такой вопрос не возникал, поскольку считалось, что все советские исследователи исходят из единой, предписанной свыше, «философской» позиции — «марксизма-ленинизма», а если возникали по этому поводу какие-либо разногласия, то они касались, как правило, деталей толкования этой позиции. Когда же появлялись какие-либо существенные расхождения с ней, то автор должен был каким-то образом их вуалировать, маскируя под «марксизм-ленинизм», и делать вид, что в вольнодумстве он не замешан.

Сейчас этих ограничений нет, философская позиция становится личным делом философа, тем самым превращаясь в действительно философскую, поскольку «Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о духе, о человеке в себе и из себя, т.е. интеллектуальным выражением судьбы философа» (Н.А.Бердяев). Эта судьба, конечно, сугубо индивидуальна, но, будучи (по крайней мере в области философии) личностной, иначе это не

судьба философа, она представляет собой индивидуальный путь, конвергирующий с другими путями в движении к всеобщему, своеобразные «ворота» в область всеобщего, универсального. «Сначала эклектика, затем путь, в конце универсальность» (Рам Дас. «Зерно для мельницы»).

Начало — краткая характеристика
моей философской позиции

Поэтому я должен начать с изложения своей философской позиции, как для того, чтобы быть понятным, так и для того, чтобы пробудить к деятельности, «задеть» **собственное** сознание читателя. Будет ли она принята благосклонно или отвергнута с возмущением — любая реакция хороша, ибо означает **начало пробуждения**. Бесплодно только равнодушие, которое будет означать мою неудачу как автора. Г.И. Гурджиев говорил, что подавляющее число людей от рождения до смерти спит, только в редкие моменты просыпаясь к острому непосредственному ощущению своего бытия в Мире. Но педагог **обязан** проснуться, ибо бодрствующее состояние сознания, которому свойственно ощущение течения времени, как переходящего в будущее, он должен передать своим подопечным.

Для выполнения поставленной в статье задачи я расставлю лишь несколько основных «вех» и «мыслеобразов», эту позицию «оконтуривающих» и оставляющих читателю свободное поле для собственных размышлений. Поясню, что «мыслеобразом» я называю форму, в которой понимание связано с чувственным (в том числе художественным) образом, метафорой, несущим определенный эмоциональный настрой оборотом речи, сравнением, намеком, символом или словом. Я считаю, что возможно более широкое применение образно-эмоциональных форм помогает передать глубокие (в том числе бесконечные) смыслы философии, выходящие за пределы рациональных понятий и даже формальной, эмоционально не насыщенной вербальности. Они не заковывают сознание в кандалы и не сажают его в клетку демонстративной «доказательной» или какой-либо иной логики, освобождая место интуиции.

2. Несколько слов о философии

Мне кажется, что, приведя цитату из Н.А.Бердяева, а также пояснив, что и почему имею в виду под «мыслеобразом», я в какой-то степени, уже начал расставлять означенные вехи. Философия, таким образом, — глубоко **индивидуально-личностное**, а потому одновременно **свободное** и всеобщее (отметим этот парадокс) размышление об эквивалентном взаимоотношении Человека и Мира в его **бесконечности** и одновременно **целостности** (что тоже —

парадокс). Под парадоксом здесь имеется в виду неразрешимое в рамках рассудка и непонятное, кажущееся абсурдным для обыденного «здорового смысла» противоречие, могущее быть в какой-то степени постигнутым только интуицией и воображением. Бесконечность — область парадоксов (само название бесконечности *областью* — тоже парадокс и может быть принято лишь условно, так как я не нашел лучшего). Здесь привычные смыслы, понятия и отношения радикально изменяются и часто становятся для обыденного сознания несовместимыми и даже «невместимыми». Слово «невместимый» в смысле «непостижный уму» употребляется в Библии, поскольку возникшее христианство сразу оказалось в этой области парадоксов. Поэтому утверждение парадоксальных смыслов сопровождалось обычно словами «Кто может, пусть вместит». Деятель раннего христианства К.С.Ф.Тертуллиан (II — начало III вв. н. э.) считал внутреннее принятие этой противоречащей здравому смыслу парадоксальности одним из критериев религиозной веры: «Верю, потому что абсурдно».

Парадоксальность философии

Философия и сама — парадокс, так как она, чтобы быть целостной и органичной, должна иметь некое Начало, детерминирующее и иерархизирующее эту целостность, и в то же время должна оставаться всеобщей и свободной, **не быть определенной системой** (всегда несущей в себе некоторую конечность), не иметь границ. Вследствие этого все логически выстроенные (тем самым определенные) философские системы не могут претендовать на всеобщность. Поэтому даже такие, казалось бы, всеобщие философские направления, как материализм и идеализм, будучи определенными (хотя бы уже потому, что отличаются друг от друга), не могут быть всеобщими, а следовательно служить базами философского размышления.

Философское размышление — всегда вероятностное

В силу этой парадоксальности, философски размышлять можно лишь в вероятностном ключе, имея в виду, что за любым определенным образом, смыслом или понятием лежит *бесконечное поле другого*, в том числе такого другого, которое исходит из оснований, противоположных моим, и может обладать не меньшей степенью истинности, чем мое. Поэтому следующие ниже размышления носят предположительно-вероятностный характер. Возможны, видимо, и другие не менее, а может быть, и более истинные, что, однако, в силу универсальности Мира, не обесценивает приводимые здесь.

Возможность философии — в первичном религиозном отношении «Я—Ты»

Возможность философии, философское мышление и отношение к Миру появляется задолго до философии как определенной области знания, так же точно, как возмож-

ность религии, религиозное отношение и восприятие Мира возникает задолго до определенных религиозных конфессий. Обе эти возможности заложены в первичном акте антропогенеза, когда существо, становящееся Человеком, впервые осознает, что оно существует как самостоятельное «Я», отличное от всей остальной природы (всего бытия — здесь природа и бытие неразличимы) в своем родственном отношении к бесконечному сверхприродному, сверхбытийному «Ты». Подчеркивая *целостность* этого *бесконечного* отношения «Я—Ты», М.Бубер справедливо считал его *одним* «первичным словом». Говоря философским языком, это акт рефлексии-трансцендирования. Под рефлексией здесь имеется в виду процесс погружения в себя, воздействия на себя, размышления о себе самом. Трансцендирование или трансцензус — противоположный процесс выхода во вне, за пределы себя или какой-либо конечной определенности. Рефлексия-трансцендирование — диалектическая пара связанных взаимоопределением, т.е. не существующих друг без друга, противоположностей, имеющая громадное значение для понимания антропогенеза, как и любого органического развития (в существовании неорганического развития я глубоко сомневаюсь).

Углубление же рефлексии в «Я—Ты» сопровождается трансцендированием — выходом Человека в своем сознании, как это ни странно (парадокс!) *за пределы бесконечного* отношения «Я—Ты» в позицию *«внеаходимости»*. Из состояния «внеаходимости» он может рассматривать отношение «Я—Ты» «со стороны» и тогда оно предстает перед ним как отношение «Человек—Мир». Это *отношение* (а не Человек и не Мир в их разделенности) и является предметом *философского* размышления. Можно сказать, что религия (как отношение «Я—Ты») может быть представлена как самонахождение и самовосприятие Человека в Мире, а философия (делающая предметом своего размышления отношение «Человек—Мир») как самопонимание и самоопределение Человека в Мире. Следует заметить, что отношение «Я—Ты» парадоксально, так как в нем «Я» — сотворец божественного «Ты» и, как таковой, этому «Ты» эквивалентен, и в то же время — «тварь», по отношению к которой «Творец» бесконечно выше. Поэтому «Человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя».

Быть за пределами бесконечного, т.е. беспредельного — парадоксальное существование и потому внеаходимость (в данном случае!) похожа на что-то вроде виртуальных частиц в физике. Она осциллирует (колеблется), оказываясь

одновременно и «внутринаходимостью». Непосредственное интуитивное «Я—Ты» и опосредованное внеаходимостью и размышлением «Человек—Мир» оказываются одним пульсирующим, меняющим «фазы» Целым.

Рефлексия-трансцендирование представляет одну из существенных характеристик развернутой во времени Потенциальной Бесконечности (в дальнейшем — ПБ), которая характеризуется тем, что всякое органическое развитие развертывается как сменяющее друг друга господство противоположных фаз: фаза господства рефлексии сменяется фазой, где трансцендирование господствует над рефлексией, затем снова наступает господство рефлексии. Здесь не рассматриваются порождаемые этим процессом триадность развития и качественные переходы в системы высших порядков, поскольку это не является необходимым для целей статьи. Отмечу лишь важное, в данном случае обстоятельство, что развитие во времени каждой качественно определенной органической системы начинается **именно** с фазы **рефлексии**. Дело в том, что рефлексия создает внутренний энергетически мощный Центр — ядро системы, обеспечивающее ее устойчивую целостность, необходимую при взаимодействии с внешней средой в последующей фазе трансцендирования. В противном случае силы и энергии внешней среды могли бы разрушить систему, «растрепать» ее. Различной глубины, длительности и характера фазы в процессе развития интерферируют.

Это, если можно так выразиться, «внешний» план органического развития — план ПБ — одна его «ипостась». Вторая связана с Актуальной Бесконечностью (в дальнейшем — АБ) — таким Ничто, в котором Все, областью еще несформированных и непроявленных в материально-физическом плане бытия смыслов, качеств, форм, отношений, где все, что может быть достигнуто **в будущем**, в процессе развития во времени (в ПБ), а в данный момент в проявленной форме существует лишь **потенциально, уже представлено актуально, как существующее вечно**.

Парадокс, который возникает при осознании связи процесса развития с «неслиянностью-нераздельностью» этих двух ипостасей бесконечности, Джордано Бруно описал словами: «Вселенная находится в процессе постоянного развития, но как целое она уже обладает этим развитием». Действительно: если Вселенная бесконечна, то от ее Начала протекло бесконечное время и, следовательно, все ее формы, которые развивались, уже достигли всей возможной полноты развития и процесс должен был закончиться. Между тем, мы эмпирически наблюдаем продолжение этого процесса. Подобными парадоксами «напичкано»

Органическое развитие
начинается с фазы рефлексии

Потенциальная и актуальная
бесконечность в развитии

представление о бесконечности. Попытки же представить Вселенную конечной (например, некоторые современные релятивистские космологические «модели») ведут к логическим несуразностям.

Трудность логического и вербального выражения бесконечности

Великие мистики, удостоившиеся вхождения («восхищения» — в христианской литературе) в АБ и непосредственного ее восприятия, говорили о трудности, практической невозможности ее вербального описания, о ее «несказанности». Тем не менее их попытки буквально неопенимы для философской интуиции, представления и размышления о Начале. Эти попытки также носят парадоксальную форму: «абсолютно полная пустота», «ничто, в котором все», «сверкающая бездна», «слепящая тьма» и т.п. и вызывают настроения, чувства и мысли, трансцендентные конечным формам наличного бытия.

Метаэволюция и метаистория

Между миром материально-физически воплощенного наличного бытия и миром невоплощенным существует область, в которой эманации «ничто, в котором все», приближаясь к миру воплощения, обретают определенность. Непосредственно примыкающие к миру воплощенных форм «переходные» «планы» или «слои» бытия уже несут готовые к воплощению формы и составляют содержание метаэволюции (включая метаисторию). Эти формы «прорываются» в ПБ и, взаимодействуя с уже воплощенными формами, пришедшими из прошлого, детерминируют наличное бытие со стороны будущего, каждый его момент превращая в момент реального времени, текущего из прошлого в будущее. Материальный «план» воплощения предоставляет материал и энергию для формообразующих эманаций духа.

Примерно так представлял это Анри Бергсон: два потока — жизнь (или дух), с одной стороны, — материя, с другой, пересекаются. В точках пересечения появляются живые существа. Попав в плен материи, дух начинает ее преобразовывать, стремясь подчинить ее себе, воплотить в ней свои формы. В этом смысл биологической эволюции. В Человече он, наконец, вырываясь из плена преобразованной им материальной формы, становится самосознающим и свободным, подчиняя себе материю. Тем самым в Человеке устанавливается правильная естественная иерархия между духом и материей и начинается эволюция, руководимая интуицией и разумом Человека. Я привожу эту эстетически красивую, хотя, как мне кажется, несколько одностороннюю концепцию, считая, что она несет глубокий смысл, способный пробудить сознание и интуицию психологов и педагогов. А вот та же интуиция в форме поэтического образа:

*Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.*

(Ф. Тютчев)

Радикально новое возникает
непосредственно как целое

И вопрос, почему и как он забыл заветное, творящее слово —
есть один из кардинальных вопросов философии.

Эта возможность возникновения в материальном, чувствен-
но воспринимаемом мире сразу целостных, в определен-
ном смысле, готовых форм была известна давно, и для ма-
териалистически, научно настроенного новоевропейского
ума и здравого смысла служила камнем преткновения.

В философии она нашла отражение, например, в идеях
«эмерджентной» эволюции. Эмерджентный — внезапно
возникающий, появляющийся, будучи не обусловленным
факторами наличного бытия.

В биологии она же непосредственно зарегистрирована как
множество непонятных эмпирических фактов, получив-
ших название «ароморфозов», когда новые формы появ-
ляются сразу как целостные и не могут быть представле-
ны ни как развившиеся из уже существующих, ни как ре-
зультат случайных мутаций и отбирающих приспособи-
тельных реакций.

В истории это случаи, когда целые цивилизации появляются
сразу как достаточно развитые и не удается проследить их
эволюционные истоки.

Вероятно, то же самое можно сказать об «осевом времени»
К.Ясперса, когда в различных регионах Земли при отсут-
ствии видимых между ними связей появились сходные
мифологические, религиозные и философские идеи.

На те же предположения наводят некоторые особенности эт-
ногенеза, исследованные Л.Н.Гумилевым.

То же происходит и в антропогенезе, вследствие чего антро-
пологи в течение десятков лет безуспешно ищут «недоста-
ющие звенья», т.е. переходные формы между открываемы-
ми ими ископаемыми останками и тщетно пытаются выст-
роить из них линейно прогрессирующий ряд (в настоящее
время — хотя бы отдельные отрезки таких рядов).

Наконец, можно сослаться на получившие в последнее время
широкое распространение исследования «измененных со-
стояний сознания», когда каждое такое состояние сразу
открывает целый мир связанных восприятий — феномен, от-
меченный еще У. Джемсом в «Многообразии религиозно-
го опыта».

Создается впечатление, что через земную природу проходят «волны эволюции», несущие каждая определенную тенденцию или спектр формообразующих сил и образов, которые, взаимодействуя с уже воплощенными, следовательно, пришедшими из прошлого формами жизни, вызывают в этих различных формах жизни сходные и конвергирующие преобразования.

Эмпирически фиксируемая
сторона развития — смена
конечных форм в наличном
бытии

Выше кратко была описана одна сторона процесса развития, связанная с формами, идущими от АБ и метаэволюции и вступающими в план наличного бытия как его детерминация будущим в виде целостных проектов новых форм. Вторая его сторона представляет собой адаптацию к среде уже существующих, детерминированных прошлым форм. Здесь ведущими и первичными оказываются функции по отношению к морфологии (органам, структурам и всей физиологии): меняющиеся внешние условия ведут к совершенствованию и появлению новых функций, а последние приспособливают и создают органы, структуры и физиологию, как аппарат, способный выполнять эти функции. Научно-вещное мышление предполагает господство обратной зависимости: случайно в результате мутаций образующиеся структуры определяют функции. Например, усложнение мозга у нашего предка привело к появлению мышления. Но тогда по этой логике придется предположить, что тюлени, бывшие когда-то наземными животными, полезли в воду потому, что у них вдруг случайно вместо ног выросли ласты. Безусловно, приспособляющиеся к изменению функций изменения морфологии и физиологии в филогенезе закреплялись в генетическом аппарате, делая видоспецифичным онтогенез живых форм. Вот эту *вторичную* сторону эволюции безуспешно (так как принимала ее за первичную) пыталась объяснить наука. Эта сторона, по-видимому, может кое-что объяснить, но не появление новых видов и радикально новых форм жизни.

Сложное взаимодействие этих форм детерминации — от будущего и от прошлого, мне кажется, может прояснить какую-то сторону процесса органического развития, но жизнь в целом все равно останется Тайной.

В связи с двумя ипостасями бесконечности возможно и два представления о вечности: первое (связанное с ПБ) как бесконечно текущий поток времени, рождающий и разрушающий конечные формы бытия; второе (связанное с АБ) как вневременность. Взаимопроникновение, диффузия этих ипостасей порождает интерферирующие «фазы» и «волны» и имеет результатом то, что принято называть органическим развитием.

Назначение Человека — реализация себя в качестве универсального существа

Например, Человек задан сразу в самом начале антропогенеза в форме своего **назначения** — **реализовать себя как универсальное существо**. То, что в Начале заложено лишь как цель, в Конце должно стать непосредственной реальностью. Поэтому все периоды и фазы антропогенеза и истории (а также и онтогенеза) должны быть поняты как моменты этой реализации и в соответствии с ними должны строиться психологическое и педагогическое понимание Человека и разрабатываться соответствующие формы воспитания и обучения.

Чтобы понять, какова должна быть цель работы психолога и педагога сегодня (а в соответствии с пониманием цели и условиями наличного бытия могут и должны выбираться и создаваться средства, направляющие в сторону ее осуществления), нужно представить и понять фазу антропогенеза и истории, в которой мы существуем в настоящее время. Это позволит хотя бы в самой общей вероятностной форме составить предположение о будущем. Один из аспектов такого представления может выглядеть, например, нижеследующим образом.

Начальная фаза антропогенеза

Начальная фаза антропогенеза, фаза рефлексии — Палеолит — продолжалась несколько миллионов лет, на протяжении которых Человек изменился радикальным образом. В начале этого периода мы имеем дело с существом, морфологически подобным обезьяне. Однако, вспышка рефлексии-трансцендирования во всеобщей форме в нем уже произошла, возникло отношение «Я—Ты», а вместе с тем указанное человеческое назначение и цель. Поэтому это уже Человек. Заложенное в нем духовное Начало стало преобразовывать всю его морфологию, приспособлявая ее к себе. Каково было взаимодействие духовного Начала в этом Человеке и духовного Начала Мира, мы не знаем. Насколько глубоко, мощно и энергетично было это первичное «Я—Ты», настолько велики были шансы выжить у этого первого человека. Возникали и гибли многие более или менее антропоподобные существа, кандидаты в люди, пока не появился кроманьонец, в некоторых отношениях существо более совершенное, чем современный человек. Таким образом, смысл палеолитической фазы состоял в мощной рефлексии, изменяющей, преобразующей все существо самого Человека, включая его сознание и тело. При этом его внешняя, опосредованная орудиями деятельность, да и само внешнее орудие практически почти не менялись: за миллионы лет оно изменилось от каменного рубила до каменного топора. Многие антропологи отмечали эту неизменность орудия в течение миллионов лет как «поразительный факт».

В результате так называемой неолитической революции, происходившей десятки тысяч лет назад, сущность которой разные исследователи видели по-разному: переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, то есть к производству, переход от родо-племенной общности к зачаткам социальности, переход к оседлости и появление деревни и т. д., начинается период Неолита. Мне представляется главным фактором в неолитической революции, определяющим все остальное — смена фазы. В Палеолите ведущей была фаза рефлексии, в Неолите господствующей стала фаза трансцендирования: активная, развивающая внешние орудия, деятельность во внешней среде. Всего за десятки тысяч лет (ничтожный срок по сравнению с миллионами лет Палеолита) орудия изменились от каменного топора до современной науки и техники, что, мне кажется, тоже можно считать «паразитическим фактом». Возникло «материальное тело цивилизации», как «неорганическое тело человека».

Можно ли этот технологический «прогресс» Неолита рассматривать как фактор развития самого Человека, Личности? Большинство глубоких мыслителей, как философов, так и нефилософов с возникновением христианства, а более определенно, например, с Б.Паскаля (1623—1662), Ж.Ж.Руссо (1712—1772), включая немецких романтиков, К.Маркса, почти всех русских философов, вплоть до современных экзистенциалистов отвечали «Нет!», каждый приводя в пользу такого ответа достаточно серьезную аргументацию.

Мне кажется, что отрицательный ответ на этот вопрос в целом правилен, хотя и не столь прост. К.Маркс говорил о периодах истории, когда развитие и усиление общественного субъекта происходило за счет обеднения индивида, приводя в качестве примера капитализм. С этой точки зрения, Неолит может рассматриваться как необходимая эпоха овладения общественным Человеком вещной стороной Мира с помощью внешних вещных орудий. За время Неолита колоссально увеличилась мощь общественного субъекта в его воздействии и на внешнюю среду, и на индивида. В чем смысл этого воздействия для назначения Человека, для его будущего, я не знаю. Можно лишь констатировать, что в конце Неолита (в новоисторическое время) вещная сторона бытия Человека ускороно росла за счет его духовно-личностной стороны. Личностные отношения подавлялись вещностью, чем и определялся приведенный выше отрицательный ответ. По-видимому, эта эпоха была необходима, но себя исчерпала, приведя человечество к глобальному всеобщему кризису во всех

областях жизни. Поэтому можно представить Неолит как фазу, противоположную Палеолиту, как такую, где происходит преимущественное развитие и совершенствование внешней орудийной деятельности человека, и соответствующих форм мышления, в то время как его внутренний духовный ресурс почти не развивается, а в конце, наступающем в наше время, начинает ускоренно деградировать, вырождаясь в своей массе в чисто вещные формы мышления и деятельности.

В Неолите господство отношения
«Человек—Мир» сменяется
господством отношения
«Субъект—Объект»

Прежде всего, наступление Неолита приводит к радикальному изменению отношения Человека к Миру: господствовавшее в Палеолите отношение Человек—Мир вытесняется господством отношения Субъект—Объект. Человек начинает рассматриваться как познающий и действующий во внешнем мире Субъект, а Мир — как мир Объектов, на который направлена познавательная и практическая деятельность Субъекта. Кончается непосредственность отношения ставшего, в основном, Субъектом человека к миру, ранее бывшему для него бесконечным и целостным, а превратившемуся в его восприятии, мышлении и деятельности в набор конечных Объектов. Субъект связан с Объектом не непосредственно, а опосредованно, через орудийную (понятие — тоже орудие) деятельность, которая их разделяет и одновременно специфически ограничительно (особенно в условиях углубляющегося общественного разделения труда) связывает согласно конечным формам, целям и видам деятельности. Субъект теряет свободу, попадая в плен «внешней целесообразности» (К.Маркс). Начинается эпоха *всеобщего отчуждения Человека от Мира и от своей собственной сущности*. Эта сущность теперь почти не просматривается (а если и просматривается, то в некоем отдаленном будущем, почти эсхатологически), о чем, кстати, и свидетельствуют труды психологов и старания педагогов, принимающих Субъект за Человека, «научную картину мира» — за реальное отображение действительного Мира, отчужденного субъекта — за Личность и мораль — за нравственность.

Сущность фазы Неолита —
всеобщее отчуждение

Глобальный кризис современности — кризис фазы Неолита

Наше время — конец эпохи Неолита, ее деградации и разрушения. Все кризисы современности являются манифестациями одного всеобщего глобального кризиса Неолита. То, что это действительный конец, показывает катастрофически убыстряющийся процесс глобального распространения господства вещных отношений — абсолютной противоположности собственно человеческим личностным отношениям, — а также вызванная неорганическим характером деятельности и таковым же характером мышления и вещным отношением к Миру «разбалансировка» всей земной природы, включая увеличение частоты и раз-

рушительной силы различного рода катастроф как природного, так и техногенного происхождения (эти два вида происхождения все труднее становится различить).

Чтобы не «растекаться мыслью по древу» и в то же время захватить читателя или слушателя наглядно-эмоционально, я приведу здесь наиболее часто используемый мною, заимствованный у геометрии «мыслеобраз». Это, так называемая, инверсия относительно круга на плоскости. Суть ее состоит в том, что приводятся во взаимно-однозначное соответствие точки круга и точки всей бесконечной плоскости вне круга так, чтобы каждой точке круга соответствовала единственная определенная точка плоскости и наоборот. Практическое ее применение в геометрии касается, в основном, различного рода геометрических построений. Я рассматривал ее как «мыслеобраз» и неожиданно для меня он оказался довольно глубоким, позволяющим наглядно пояснить многие философские смыслы и отношения (см. рис. 1).

Инверсия относительно круга на плоскости — «мыслеобраз», помогающий представить отношение «Человек—Мир»

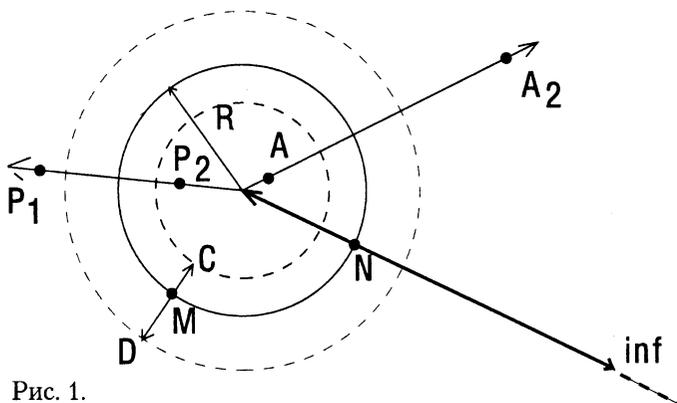

Рис. 1.

Для любой точки внутри круга находится единственная соответствующая, парная ей (в некотором смысле с ней отождествляемая), точка плоскости и наоборот: для любой точки всей бесконечной плоскости находится единственная, парная ей, точка круга. Для этого на луче, проведенном из центра круга через данную точку, откладывается расстояние, равное частному от деления квадрата радиуса круга на расстояние от его центра до данной точки.

Примеры: O — центр круга. Точка P_1 находится вне круга. Находим соответствующую ей точку P_2 , расположенную внутри круга: $OP_1 = 2R$; $OP_2 = R^2 / OP_1 = 1/2R$.

Точка A_1 — внутри круга. $OA_1 = 1/3R$. Соответствующая ей точка A_2 находится вне круга на луче OA_1 на расстоянии $OA_2 = R^2 / OA_1 = 3R$.

Легко видеть, что парные точки совпадают на окружности, в то время как, если одна из них приближается к центру, вторая уходит в бесконечность.

Представим себе (конечно, чисто условно), что окружность — граница телесности Человека: вне ее — внешний мир, включая все его внешние восприятия, отношения и деятельность, внутри — его внутренний психический мир, его душевно-духовное «пространство».

Стрелка от М к D означает его трансцендирование во вне — все его действия как субъекта во внешнем (по отношению к психическому) мире объектов, включая восприятие, познание и деятельность. Стрелка от М к С — субъективное отображение этих объективных действий: образы, гипотезы, теории. Пунктирное «кольцо» между D и С со временем расширяется (что и означает так называемый «прогресс»), оставаясь в каждый момент времени конечной ширины.

«Движение» от точки N окружности к Центру O — рефлексивное — вневременное и внепространственное (психика не имеет времени и пространства). Погружение в себя, бесконечное «приближение» (не в реальном пространстве-времени) к Центру (исключая только сам Центр), есть одновременно бесконечное «удаление» (Inf) трансцендирование к Бесконечно Удаленной Точке (БУТ).

Обратим внимание, что движение от М к D и от М к С, *опосредовано* «объективными» орудиями (в том числе орудиями познания и действия), в то время как движение к Центру (и одновременно к БУТ) *непосредственно*. Привлекая аналогию из физики, можно было бы сравнить первое с «близкодействием», а второе с «дальнодействием». Центр и БУТ не разделены ни пространством, ни временем.

Представим область, бесконечно близкую к Центру, как личностное «Я», а бесконечно удаленную точку как божественное «ТЫ», вместе образующих первичное «Я—ТЫ», что и пытались выразить христианские мыслители в словах: «Бог во мне глубже, чем я сам».

Таким образом, если мы, как субъекты, полагаем начало мышления и действия во внешней среде как совокупности объектов, начиная с внешнего объективированного трансцендирования, мы попадаем внутрь ограниченного «кольца» во время (в ПБ). Если же, как личности, начинаем с познания самого себя, созерцающей рефлексии, мы имеем возможность оказаться во вневременности (в АБ) и через себя приобщиться к Миру как к бесконечному Целому. Поэтому древняя мудрость гласит: «Познай самого себя!». В «неслиянности-нераздельности» первичных «Я» и

«ТЫ» мы оказываемся в непосредственном отношении к Тайне Человека и Мира, к Началу, откуда исходит «предназначение Человека», определяющее его сущность, которая в пространственно-временном бытии (в ПБ) предстает ему как его собственное бесконечное будущее.

Эта, весьма грубо-приблизительная пространственная схема, если не принимать ее как модель или теорию, а лишь как «мыслеобраз», намек на глубокие не пространственные, но качественные отношения, помогает, мне кажется, представить эти отношения интуитивно, почувствовать их и понять.

Область господства отношения
«Субъект—Объект», отчуждения,
«подмен» и «превращенных
форм»

Область внутри пунктирного «кольца» отображает не только господство субъект-объектного сознания *индивида* и его отношения к Миру как миру объектов, но может быть интерпретирована и *филогенетически* как отображающая фазу Неолита. Это область господства Субъект-Объектного отношения над отношением Человек—Мир, количества над качеством (больше и быстрее значит лучше), царства общественного разделения труда, вырождения органически-целостных образований в механические скопления, распада и разложения любой органической целостности, распада «цветущей сложности» К.Леонтьева, вырождения религии и культуры, всеобщей энтропии (это царство хорошо описано Р.Геноном, см. «Царство количества и знаменья времени», М., 1995). Это — область «подмен» (в христианской терминологии), область «превращенных форм» (в терминологии К.Маркса). Органическая целостность не аддитивна, т.е. не складывается, не конструируется из частей, а вырастает из единого *простого* корня, основания. «Антиэнтропийный» процесс, синтез, конструирование распавшихся частей в органическую целостность внутри «кольца» невозможны. *Поэтому абсолютно беспочвенны надежды на «междисциплинарные», «комплексные» исследования человека, «интеграцию научных знаний о человеке» и т. п., поскольку они не могут привести к органическому основанию.* Дальнейшее существование возможно лишь на новом Основании. Оно же, это Основание, как это ни парадоксально, одновременно старое, т.е. выход из «кольца» возможен только «внутрь», к Центру (в направлении обратном так называемому «прогрессу»), через созерцание, а не через деятельность. Он будет сопровождаться трансцендированием во вне, за пределы кольца. Это справедливо и для фило-, и для онтогенеза личности. Многие мыслители прошлого и настоящего прекрасно это понимали. (см., например, об этом А.С.Арсеньев. Размышления о работе С.Л.Рубинштейна «Человек и Мир» //Вопросы философии. — 1993. — № 5 и «Десять лет спустя». В печати).

«Комплексное исследование
человека» не может вести к
пониманию личности»

Такова одна из особенностей диалектического развития: чтобы попасть в радикально новое будущее, надо «окунуться» в прошлое, из которого вышел, и чем радикальнее и качественно глубже и целостнее предстоящее изменение, тем древнее это прошлое, так как тем более высок порядок фазы, выход из которой предстоит, тем она «крупнее» и длительнее во времени. Приспособительная, не связанная с радикально новыми формами, эволюция этого не требует (здесь кое-что может сказать даже дарвинизм).

Альтернативность возможного выхода из глобального кризиса

Поэтому **глобальность** современного кризиса — кризиса распада «кольца» Неолита — ставит альтернативу: либо **возвращение** на новой качественной ступени к Началу — к **непосредственности** отношения Человек—Мир, как к новому Основанию человеческого существования (и это будет радикальное изменение — переход в «постнеолитическую» фазу антропогенеза, многими мыслителями представляемый как конец преистории и вступление в собственно человеческую историю, а в эсхатологических концепциях — как конец истории вообще), либо утеря Человеком человеческого образа (а мы уже эмпирически можем наблюдать в Мире этот процесс). По-видимому, человечеству предстоит пережить еще одно «расщепление» (а таковые в процессе антропогенеза уже неоднократно происходили. Особенность нынешнего — его глобальный масштаб) на часть, способную радикально самоизмениться и войти в фазу «Постнеолита», где иерархия всех жизненных отношений и ценностей будет обратна существующей, и часть, которая будет ускоренно деградировать, начиная с психического и заканчивая телесным вырождением. Следы расщепления и вырождения различных ветвей антропогенеза антропологи отмечают на всем его протяжении, включая настоящее время (в настоящее время этот процесс настолько ускоряется, что его отмечает уже медицина: психиатры, врачи разных специальностей, а также медицинские комиссии новобранцев).

Одна из труднейших задач воспитателя

Самая, на мой взгляд, трудная задача психолога и педагога в настоящее время — понять, что все мы находимся в области «кольца» отчуждения, ограничивающего и искажающего отношение Человек—Мир, редуцируя образ Человека до образа Субъекта (начиная с себя самого), а образ Мира до собрания объектов. Так называемый «прогресс» углубляет эту редукцию. Поэтому главная проблема психологии и педагогики — изменение собственного сознания. Можно даже сказать, что главной целью воспитателя в процессе воспитания является его самовоспитание, что создает благоприятную творческую атмосферу для развития личности воспитуемого.

Такова очень сложная современная ситуация, в которой вынужден работать педагог. От его работы, если он действительно призван быть педагогом, в определенной степени зависит, каким будет ближайшее будущее, в каком направлении будет изменяться Человек. Человек же не машина, а бесконечная ценность и Тайна и потому к сфере воспитания должны допускаться (возможно, в будущем так и будет, если человечество успеет «одуматься») только самые творчески одаренные, обладающие всеми человеческими достоинствами личности. В «кольце» же иерархия ценностей перевернута: наиболее способные индивиды работают в технологии и бизнесе — областях, углубляющих господство вещиности, буквально «съедающих» все человеческое.

В таких, весьма неблагоприятных для развития личности, общих чертах представляется мне человеческое существование в наше кризисное время. О самом Человеке в этой ситуации, его возможностях, качествах и т. п. можно говорить практически бесконечно. Я позволю себе остановиться предельно коротко (так как здесь тоже можно говорить бесконечно) только на значении для работы педагога парадоксальной универсальности Человека. Кстати, замечу для философов: любая методология (а для педагогов: любые педагогические методики) имеет тенденцию (особенно в «кольце») вырождаться в технологию.

3. Об универсальности Человека

Выше уже достаточно (для целей данной статьи) говорилось о парадоксальности существования Человека, исключающей возможность понимания личности современной психологией, если она желает быть «научной», т.е. работать в параметрах вещиности, и являющейся «крепким орешком» для педагогики, которой, к счастью, не удастся достичь степени наукообразности психологии (хотя она к этому стремится), поскольку ей приходится иметь дело непосредственно с самим живущим и развивающимся человеком, а не с объектом экспериментов и наблюдений. Хотя многие педагоги и мечтают отгородиться от этой непосредственности различного рода «научными» принципами, соответствующей терминологией, программами, методиками и т. п., как правило, до конца сделать это они не могут.

Хочу оговориться: я в данном случае беру слово «научный» в кавычки не потому, что я против науки как таковой. На своем месте и в своих границах научные методы прекрасно выполняют свою роль (в том числе в психологии и пе-

дагогике). Но я против (и в этом вполне согласен с крупнейшими учеными, творцами науки) ученых, применяющих ее там, где она принципиально не применима. Так же я против представителей тех областей знания, где научные методы применимы в ограниченных пределах лишь как подсобное средство, пытающихся распространить эти методы на всю свою область, объявляя ее при этом наукой. Эти попытки утвердить ту или другую область знания как науку вполне понятны, поскольку в наше время — время господства вещи — науке часто придается статус ценности и «научный» означает одновременно «хороший», а «ненаучный» — «плохой». Слово «ненаучный», сказанное в адрес какого-нибудь исследователя, звучит как обвинение.

Вещное ограничение научного мышления

Наука — знание о мире, как мире вещей, о его вещной стороне или проекции. Человек — не вещь, более того — прямая противоположность всему миру вещей и вещных отношений (М.М.Бахтин называет вещьность и личность противоположными, несовместимыми полюсами. И он далеко не одинок). Органическая целостность не может быть представлена в науке. Поэтому «научная картина мира» весьма далека от действительности. Человеку в ней нет места. Поэтому же изучение Человека не может начинаться с научных оснований. Современная же психология настолько «онаучилась», что видит и принимает как объект своего исследования только то, что опосредовано рационально или может быть опосредовано. Феномены же, где психические энергии проявляют себя непосредственно, предпочитают не замечать, относя их к «ненаучной» «парапсихологии» (околопсихологии).

В педагогике научные методы могут играть роль лишь подсобных инструментов

Педагогика — не наука, хотя научные методы в ней безусловно применимы там, где они помогают созданию целостной картины происходящего, а не разрушают ее. Педагогика — гораздо более глубокая и сложная область знания, чем наука и, что особенно важно, понимания. Знание отличается от понимания тем, что оно специализировано, частично, существует в определенных границах, внешним образом, безразлично относясь к тому, что находится за этими границами, в то время как понимание — это усмотрение внутренних связей органического Целого. Без этого усмотрения груды знаний не заменят хотя бы одного проблеска понимания. Педагогика требует включения интуиции, эмпатии, образного мышления, фантазии и должна быть «замешана» на любви. (Если бы так было!). Она требует непосредственности личностного общения, общения Центрами, что возможно лишь «через верх», через «Ты» Мира (см. рис. 2), а не социального общения перифериями,

Научное знание в педагогике не может заменить непосредственно-сти понимания и интуиции

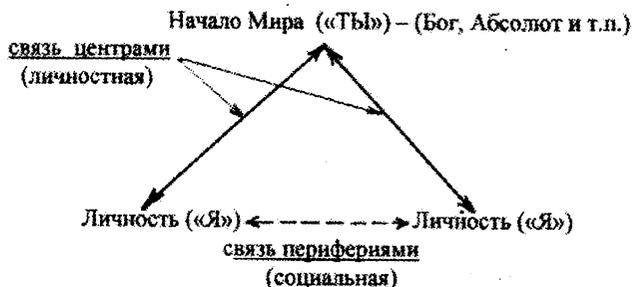

Рис. 2

опосредованного социальными отношениями, и внешней деятельностью. Поэтому насколько педагогика хочет быть научной, настолько она «обесчеловечена», но, к счастью, настолько же она малоэффективна.

Личностное же общение всегда непосредственно, поскольку каждое личностное «Я» (область Центра инверсии) непосредственно включается в актуальную бесконечность божественного «Ты», составляя с Ним пульсирующую и излучающую «неслиянность-нераздельность». (Может быть, здесь нелишне заметить, что Тейяр де Шарден отличал органическое взаимодействие между центрами от механического — между перифериями, что было у него связано с качественным различием энергий «центральной» и «тангенциальной»).

На приведенном здесь рисунке штриховая горизонтальная линия показывает вторичность социальных связей по сравнению с личностными, их подчиненный характер, что является нормальным для органической иерархии.

В современной цивилизации иерархия обратная: социальность, та или иная социальная общность, группа, класс и т.д. подавляет личность, вытесняя все личностное на задний план, утверждают «права коллектива», «подчинение интересов личности интересам коллектива», общества, государства и т.п. Кстати, так называемые гражданские права и свободы есть всего-навсего проекция той же социальности (например, буржуазного «гражданского общества») на индивида, превращающая его в хорошо приспособленного конформиста, социального функционера, антипода личности. Как отмечал К.Маркс, в наше время всеобщему противостоит не индивидуальное, которое может быть единичным воплощением всеобщего (как личностное «Я» — образом и подобием бесконечного «Ты»), а общее, групповое, объединенное внешними интересами, еще чаще «внешней целесообразностью». Колоссальная неорганическая масса вещиности во внешнем физическом и

Непосредственность личных отношений и опосредованность социальных

внутреннем психическом планах наваливается на человека, «мертвый хватает живого», прошлое, отмирающее господствует над будущим.

Размышляя об универсальности Человека, прежде всего нужно отметить, что она означает его бесконечность, притом бесконечность не пустую (как можно себе представить, допустим, бесконечное пространство как бесконечное число кубических километров, или бесконечное время в виде неограниченного числа лет, или вообще нечто, вечно повторяющееся — что-то вроде идеи «вечного возвращения» Ф.Ницше. Подобную бесконечность Г.Гегель назвал «дурной»), а наполненную неограниченным многообразием, неисчерпаемостью различий. Понятие «универсум» в данном случае означает единство бесконечно многообразного.

Всеобщность Человека в отличие от видоспецифичности животных

Именно таким существом Человек «задан» отношением своего «Я» с бесконечным «ТЫ» в Начале антропогенеза. Тем самым он остается для самого себя и останется впредь Тайной как и Мир для него. Как уже говорилось, в отличие от животных он не видоспецифичен, т.е. в нем при рождении нет ничего определенно ограниченного, заранее задающего его образ жизни, кроме, пожалуй, некоторых инстинктов, обеспечивающих вначале его телесную жизнь; общих у него с животными. Как Человек он — как раз то самое «ничто, в котором все». Это потенциальное «все» можно сравнить с бесконечной мощности свернутой пружиной, готовой развернуться в любую сторону и принять любую форму. Не видя этой потенциальности, материалисты XVII—XVIII вв. создали теорию «чистой доски» (*tabula rasa*), согласно которой все содержание психики Человека образуется путем восприятия внешнего мира с помощью соответствующих органов чувств: «нет ничего в интеллекте, чего не было бы ранее в чувствах». Вот откуда тянется пресловутая «теория отражения», преломляясь в различного рода психологических теориях (например, в теории «интериоризации»). Таким образом, бесконечная полнота, еще не обретшая воплощенных конечных форм, была здесь принята за пустоту.

Универсальность Человека выражается, в частности, в невозможности составить конечный список его способностей и возможностей. За границами такого списка, сколько бы он не был длинен, всегда останется бесконечное их число, неузнанных и неучтенных. Человек может в буквальном смысле все. Но что именно из этого потенциального «все», в каких условиях, как реализуется, делается актуальной действительностью и что с этим «все» делать педагогике, остается сложной проблемой. Способности, являющиеся

чрезвычайно редкими, граничащими с чудом в условиях одной культуры, в условиях другой представляются обычными и никого не удивляют. Например, в Пакистане и Индии телепатия — обычное дело и издавна практически применяется. Можно было бы возразить, что это как раз доказывает интериоризацию внешних условий, создающих возможность развития телепатических способностей. Однако, тот факт, что эта способность встречается спонтанно, так сказать, «эмерджентно» пусть редко, но в условиях совершенно других, а также то, что ей можно и научить, показывает, что она потенциально свойственна каждому индивиду. То же самое можно сказать об абсолютном музыкальном слухе, проявляющемся массово в условиях, где высота тона произносимых слов имеет определенный смысл и редко встречающемся в условиях, где она не имеет такого значения. Абсолютный слух тоже можно развить практически у всякого индивида. Можно было бы бесконечно перечислять способности Человека, существование которых несколько десятков лет назад наука с возмущением отвергала, а теперь вынуждена признать их эмпирическое существование, оставив его без научного объяснения.

Проявления универсальности
Человека

Приведу один пример ради вывода, к которому приходят авторы статьи в результате большой экспериментальной работы. В издающемся в США журнале ТИИЭР (переиздающемся на русском языке) в № 3 за 1976 г. опубликована статья Путхоффа и Тарга «Перцептивный канал передачи информации на дальнее расстояние». Наблюдатель, находящийся на большом расстоянии от перципиента (выяснилась независимость результатов от расстояния; в описываемой серии экспериментов оно было до 4500 км) рассматривает и фотографирует некоторый объект. Перципиент описывает и рисует то, что видит наблюдатель. Описание и рисунок, приводимые в статье вместе с соответствующей фотографией, достаточно точно совпадают. Я не перегружаю читателя приводимыми в той же статье описаниями экспериментов по предвидению будущего. Отмечу лишь то, что касается универсальности Человека: сначала эксперимент проводился со специально отобранными людьми, а затем со случайными, и авторы делают вывод, что «при специальной подготовке и обучении в течение года *все испытуемые* (выделено мной. — А.А.) блестяще справляются с подобного рода заданиями».

Универсальность Человека проявляется также в его бесконечной пластичности, в способности любую сторону своего существа развивать бесконечно, переливаясь («акцентируясь») в нее до «беспредела».

Универсальная пластичность
Человека и ненадежность
эмпирических результатов как
критерия оценки педагогических
методов

В связи с представлением об универсальности Человека я и хочу поставить проблему оценки результатов применения тех или других способов обучения и воспитания. Объяснить ее можно буквально в двух словах, но указать разумный выход из создающейся трудности гораздо сложнее. Дело в том, что очень часто о сравнительном качестве той или иной методики или программы обучения судят по эмпирическим результатам ее применения. Между тем, критерий этот крайне ненадежен: в силу универсальности и бесконечной пластичности обучаемый может освоить **любую** методику, даже полюбить ее, и выдать желаемый педагогикой результат. Поэтому эмпирически можно оправдать любую, самую вздорную теорию или методику. Ее эмпирический успех обеспечивается скорее тем, насколько ее **понял и освоил, сделал своей личной педагог, а также насколько он любит свое дело и учащихя**. И здесь встает проблема подготовки и личностного развития самого педагога.

Неприменимость к Человеку как
личности понятия «нормы»

Кроме того, нет и не может быть объективной нормы, позволяющей говорить об успехе или неуспехе применяемых методов. Во-первых потому, что так называемые психологические нормы — это среднестатистические показатели, выведенные для «человека массы», то есть для отчужденного от себя и от Мира обитателя «кольца», а не личности, не Человека как такового, и не могут служить ориентиром для педагогики, если сама она хочет служить будущему, а не прошлому, живому, а не мертвому. Во-вторых, универсальность вообще не нормируема. Считать ли Паскаля, Моцарта или Пушкина нормой? Я не могу ответить на этот вопрос. Ведь педагогика нового времени, начиная с эпохи Европейского Просвещения, односторонне ориентирована на «вложение» в Человека чего-то извне, а не на «извлечение» изнутри (что, например, считали главным Сократ и Платон. К.Маркс также говорил о том, что Человек «извлекает из себя свои родовые силы»). Между тем, то, что он может получить извне, в значительной степени ограничено «кольцом», тогда как изнутри он эквивалентен всему бесконечному Миру. Может быть, в будущем (а оно начинается сейчас: не забудем о глобальном кризисе!) роль педагогики должна будет состоять в том, чтобы всеми доступными средствами не забивать, а освобождать, помогать рождаться тому, что есть в человеке человеческого (как и полагал в свое время Сократ)?

Видоспецифическая ограниченная предназначенность животного уже до его рождения заложена в его генетическом аппарате и жестко связана с его морфологией, физиологией, инстинктами. Человек рождается предназначенным к

универсальности и делают его специфически ограниченным социально-исторические условия его бытия, в частности, общественное разделение труда. Таким образом, животное подчинено внутренней целесообразности, Человека же подчиняет и делает несвободным «внешняя целесообразность» (термин К.Маркса), разрушая, ограничивая его свободу и универсальность. Но эта **ограниченная, конечная внешняя** целесообразность не может уничтожить **бесконечную внутреннюю** универсальность и предназначенность Человека (как сказали бы христиане — Образ и Подобие), поэтому всегда остается надежда на восстановление человеческого в человеке. Двойственная (труднейшая!) задача педагогики: сохранить универсальность Человека и в то же время научить его жить в условиях, ее исключающих. Эта парадоксальная задача есть задача воспитания личности.

Парадоксальная двойственность задачи педагогики

4. Парадоксальность Человека и этическое сознание личности

Бесконечность самоопределения личности

Личность — это индивид, обладающий бесконечной внутренней свободой в принятии решений и действиях и одновременно индивидуальной, ни с кем не разделенной, такой же бесконечной, взятой на себя, нравственной ответственностью за результаты этих решений и действий. Ответственностью перед Богом, Миром, Человечеством, которая может идти только от Центра и выражает себя голосом совести. Таким образом, личность самоопределяется в бесконечных параметрах. Но основной парадокс человеческого существования состоит в том, что Человек **двойственный, бесконечно-конечное** существо. Будучи бесконечен в духе, в созерцании, в мысли, в чувстве, в воле, в фантазии и т. д., он конечен телесно. «Посредством пространства универсум содержит меня и поглощает меня как точку, посредством мысли я поглощаю его» (Б.Паскаль). «Я телом в прахе истлеваю, умом громам повелеваю, Я царь, я раб, я червь, я Бог» (Г.Державин). Человек смертен и знает о неизбежности своей смерти. Бесконечное число трагических коллизий порождает это знание и такое же число самообманов, уловок, ухищрений, объяснений и надежд на чудо бессмертия было придумано, чтобы избавиться от этого знания: и утешение себя, что жизнь продолжится в твоём потомстве, и различные образы спасения, переселения душ и т.п.

Парадоксальная двойственность личности в ее наличном бытии

Парадоксальность общественного бытия личности

Не обсуждая здесь бесконечные проблемы и противоречия, порождаемые парадоксальностью Человека, я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, состоящее в том,

что, как известно, человеческий индивид — существо общественное и может жить и формироваться как человек и личность лишь в общении с другими людьми, что делает бесконечную свободу его «Я» неразрывно связанной с такой же бесконечной ответственностью перед «Мы». Но это «Мы» также оказывается представленным двойственно: «мы» ограниченное групповое, социальное, «сборное» (горизонтальные внешние связи на нашем рисунке) и «Мы» универсальное, личностное, как совокупность «я», связанных непосредственно центрами, «соборное» (через «верх» на нашем рисунке).

Расплюсованность этического сознания личности на бесконечную, безусловную и конечную, условную стороны

Поэтому этическое сознание личности также оказывается двойственным, расплюсованным на противостоящие друг другу бесконечную, безусловную и ограниченную, обусловленную наличными (прежде всего социально-историческими) условиями бытия стороны. Когда в 1967 году я пришел к этой идее, мне открылось сразу столько во внутреннем мире Человека, что захотелось кричать «Эврика!», и в безумной самонадеянности казалось, что теперь я осчастливлю психологов и педагогов, и я стал ее «пропагандировать», где и как мог. Считая это противоречие основным, движущим развитие личности, «разностью потенциалов», дающей ей «этическую энергию», я описал его в заказанной мне «Госполитиздатом» в 1969 году статье «Взаимоотношение науки и нравственности» для сборника «Наука и нравственность». При этом, поскольку «нормы и правила поведения человека», предъявляемые ему его социальным окружением, принято было называть моралью, противостоящие морали бесконечные и безусловные принципы человеческого бытия, выражающие себя в «голосе совести», я назвал нравственностью в собственном смысле слова.

Однако, все, что касалось нравственности, было из статьи изъято и остатки ее были опубликованы в указанном сборнике в 1971 году под названием «Человек и наука». Полностью она была опубликована лишь при переиздании сборника на иностранных языках.

Парадоксальность этического сознания — центральная проблема понимания личности

Однако, проблема казалась мне настолько важной, что в последующих публикациях, курсах и циклах лекций, докладах я продолжал писать и говорить о ней. До сих пор меня по-прежнему «грызет» мысль, что без понимания расплюсованности этического сознания как центральной проблемы личности, говорить что-либо о развитии личности или ее этического сознания (что практически одно и то же) просто невозможно. Поэтому и в настоящей статье я считаю себя обязанным снова (этот процесс продолжается уже тридцать лет), хотя бы предельно кратко, напомнить

об этих идеях. «И вот стою и стучу» в слабой надежде («Авось, откроется...») достучаться до сознания прежде всего педагогов, имеющих дело с гораздо более целостным, непосредственным, не утеревшим окончательно способность игры и потому творческим миром детей, чем психологов, относящихся к человеку, как к объекту «научного» исследования.

И все же нужно сказать, что в последние годы наметился поворот в психологии в гуманистическом направлении. Появились соответствующие статьи и книги. Эти попытки выхода за пределы научных методов (механистически-вещных по существу) к органической целостности человеческой жизни, мне кажется, нужно всячески приветствовать. Их общий недостаток: попытка сделать радикальный шаг вперед, не возвращаясь назад и не изменяя также радикально оснований, из которых вышел. Здесь проблема «неслиянности-нераздельности» психологии и философии (см. об этом: Арсеньев А.С. Мышление психолога и проблема личности // Культура, традиции, образование. — М., 1990).

Я не буду говорить об исторических и теоретических корнях этой проблемы, а также о том, что после того, как я «открыл» ее для себя, я получил способность «видеть» ее, в любых «одеждах» и формах, у каких бы авторов, в какой бы литературе я с нею не встречался. Мне кажется, что ее интуитивно чувствовали многие педагоги, менее «онаученные», чем психологи, и самим характером своей работы вынужденные соприкасаться с целостной, готовой к личностному росту индивидуальностью ребенка.

Учитывая все эти обстоятельства, здесь я напомним схематично лишь самые главные моменты проблемы в качестве «вех», позволяющих понять и разобраться во всем остальном.

Поясняя противостояние морали и нравственности, я обычно начинаю с самого простого, всем известного примера: как можно в двух словах определить содержание пьесы Л.Н.Толстого «Живой труп»? Как столкновение морали и нравственности. Герой пьесы чувствует, что жить по правилам морали общества, к которому он принадлежит, не позволяет совесть. Внутренний конфликт достигает остроты, приводящей к самоубийству. Практически вся глубокая литература и поэзия живет в ощущении этого конфликта. Л.Пастернак в «Охранной грамоте» употребляет выражение «безнравственная мораль».

Конформист прячется за правилами морали как за каменной стеной: «живя в согласии с строгою моралью, я никому не сделал в жизни зла». Личность не может спрятаться за

Некоторые элементарные
пояснения противоположности
морали и нравственности

стену морали, так как нравственная ответственность бесконечна.

Сравним по некоторым параметрам мораль и нравственность.

Мораль всегда носит социально-групповой характер: мораль семьи, мораль любой оформившейся социальной группы, мораль церкви, классовая мораль, мораль члена партии, мораль вора в законе и т.п.

Нравственность одна — общечеловеческая.

Мораль всегда предписывается индивиду извне от социальной группы в форме конечно определенных норм и правил.

Нравственность «растет» изнутри вместе с личностным «я» индивида, а часто даже опережает формирование личностного «я» и внешне не может быть выражена в нормах, а лишь (и то не всегда) в безусловных, бесконечных принципах.

Моралью можно пользоваться как средством психического давления, порабощения и шантажа. Она прежде всего существует для других.

Нравственностью пользоваться нельзя, она вне отношения использования и существует прежде всего для себя.

Оценка морального поведения исходит от социального окружения («будешь хороший, получишь конфетку», а иногда и более весомые блага).

Оценкой нравственности является совесть, это всегда **самооценка** (иногда довольно жестокая) и ни в какой степени не может зависеть от мнения социального окружения. Иногда ситуация складывается так, что индивиду приходится выбирать: совершить ли поступок моральный и заслужить одобрение общества или поступить по совести, заслужив презрение, не только современников, но и потомков, осуждение и, может быть, даже гибель. Некоторые герои произведений Ф.Достоевского ведут себя, с обывательской точки зрения странно: вынужденные под давлением угрожающих жизни обстоятельств совершить безнравственный поступок, они не оправдываются силой принуждающих обстоятельств, а берут вину на себя. Это — показатель высокой степени нравственного развития: если твоя внутренняя свобода и ответственность бесконечны, то не может существовать внешней силы, могущей заставить тебя поступить безнравственно. А если такая сила нашлась, значит ты оказался нравственно слаб, твоя вина, кайся! Таким образом, бывают ситуации, которые «не читки требуют с актера, а полной гибели всерьез».

Одним из основных показателей личностного развития индивида является глубина осознания им конфликта между нравственностью и моралью. Существование в социуме требует уважения моральных норм.

Осознание индивидом конфликта между нравственностью и моралью, чувствительность к этому конфликту — один из показателей личностного развития

До какой степени и в какой ситуации им следовать — решать личности. В это глубоко личностное решение нельзя вмешиваться со стороны. Нельзя решать, кто более прав: Джордано Бруно или Галилео Галилей.

Конфликты между нравственностью и моралью в процессе личностного развития (отсутствие конфликтов означает, что развития личности не происходит) встречаются повседневно, и трудности их разрешения есть трудности личностного роста индивида. Нормальное органическое личностное отношение в этих конфликтах — это первенство нравственности над моралью. Поэтому «грош цена любой морали, если за ней не стоит максимализм нравственности».

Мораль можно также рассмотреть как вырожденную, приспособленную к данному социуму нравственность. Поэтому, например, заповедь «Не убий» как нравственный принцип, означает безусловный запрет, но может быть рассмотрена и как моральная норма: «да, конечно, убивать нельзя, но...». За этим «но» может следовать что угодно: надо убить еретика, классового врага, политического противника и т.д.

Некоторые парадоксы, связанные с безусловностью нравственного сознания

Бесконечность и здесь преподносит парадоксы и безвыходные положения. Например: вы видите человека, собирающегося убить ребенка. Вы можете помешать, только убив этого человека. Ваше вмешательство или невмешательство в обоих случаях есть нарушение заповеди «не убий!» и, следовательно, вам не избежать нравственной ответственности и вины.

Еще один парадокс, многообразно представленный в литературе (в частности, у Ф. Достоевского в притче о «билете в рай» и «слезинке ребенка»): представим ситуацию, когда для спасения жизни тысяч людей необходимо пожертвовать жизнью одного. **Мораль** вкупе с наукой начнут рассуждать, а не превышает ли польза обществу от этого одного пользу, которую могут принести означенные тысячи, и на основе этих соображений решать проблему. С точки зрения **нравственности** проблема, так поставленная, представляет неразрешимый парадокс, поскольку один эквивалентен каждому из этих тысяч и одновременно всем им вместе и не только им, а и всему человечеству. Проблема должна быть перевернута: каждый **может пожертвовать собой** ради спасения других, но никто со стороны **не может пожертвовать им, ибо каждый — не просто часть чего-то (Мира, общества, социума и т.п.), но целое, бесконечная ценность.**

Итак, взаимоотношение морали и нравственности — центральная и сложнейшая проблема становления личности, представляющая узел связи философии, психологии и педагогики.

Остается педагогике размышлять и экспериментировать, как ее решать, особенно в настоящих, невероятно сложных условиях, когда власти предрешающие пытаются насадить в России рыночную экономику. Рыночная экономика, капиталистическое общество и все сопутствующие им общественные формы и соответствующая мораль абсолютно безнравственны и антиличностны. Личность вообще в условиях социума всегда вынуждена «идти против течения», а в наших современных это еще и условие спасения «архетипа» русской души, а следовательно, и нации.

Основание нравственности лежит в области отношения индивида к бесконечному «Ты»

С точки зрения философии ясно одно, что начинать воспитание надо «сверху», с формирования сознания и чувства бесконечности личностного «Я», а оно формируется только в его отношении с божественным «Ты». Может быть, следует воспользоваться опытом клерикальной педагогики (например, томистская педагогика начинает с внушения ребенку, что он является бесконечной, любимой Богом ценностью).

Во всяком случае, не с того, что я чаще всего слышу в публичных выступлениях наших, даже известных, педагогов. Рассуждают, примерно, так: «жизнь в современной цивилизации настолько быстро меняется, что первейшей задачей педагогики является от нее не отстать, а стараться воспитывать ребенка так, чтобы он мог легко к ней приспособиться». То есть речь идет об адаптации ребенка к социуму, его, как теперь принято говорить, «социализации». Я же думаю, что воспитывать ребенка надо так, чтобы он мог «идти против течения» современной цивилизации и выдерживать колоссальный ее напор, стремящийся уничтожить в нем Человека. Несвоевременная, не согласованная с фазами органического развития, социализация убивает в ребенке способность «идти против течения», творческие способности и возможность развиваться как личность. Его уделом, в этом случае, скорее всего, будет стать социальным функционером. (О вреде несвоевременной социализации см. Арсеньев А.С. Подросток глазами философа. — Алматы, 1996.)

Что касается психологии, то она накопила громадный (и отнюдь не бесполезный) материал, изучая «окольцованного», превращенного в субъект человека. Современный глобальный кризис — кризис распада «кольца» — требует разобраться в этом материале: что в нем принадлежит действительно Человеку как таковому, а что является проекцией на него свойств «кольца». Без философии психология это сделать не сможет так как сама находится в «кольце»

Для педагогики пришла пора определять свои цели, основываясь на различении временного и вечного, а не действовать методом латания «тришкина кафтана»

(как, впрочем, и философия). В этой ситуации она будет вынуждена продолжать задерживать и ограничивать развитие личности, так как это развитие связано с выходом индивида за пределы «кольца».

Мне кажется, для психологии уже пришла пора решать, что она хочет изучать в Человеке: то, что «громам повелевает» или то, что «в прахе истлевает». Пока что ее представления о Человеке и способ мышления (попытки во главе угла поставить «научную методологию») более адекватны изучению того, что «в прахе истлевает» (да и это сомнительно, так как тело Человека — не вещь).

И все же указанные выше изменения, наметившиеся в последние годы в психологии, позволяют надеяться, что сама психология обратится к серьезной философии, так же, впрочем, как и философия к психологии. В своем «раздельном» существовании они обе вырождаются.

Январь, 1998.

